ISSN 0320-8540

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

[9] 2013

16+

МАНУЭЛЬ ПУИГ: ИЗ СБОРНИКА СЦЕНАРИЕВ И СЮЖЕТОВ «МЕЛОДРАМАТИЧНАЯ СУДЬБА»

В РУБРИКЕ «ИЗ КЛАССИКИ XX ВЕКА»: «ДЕСЯТЬ СНОВ» НАЦУМЭ СОСЭКИ

ЭССЕ ДЖОНАТАНА ФРАНЗЕНА «ДАЛЬНИЙ ОСТРОВ»

Основан в 1955 году

SHOUT
SHARE
IT

- Антикоды
  - Вступление
  - Антикоды
  - На тему Беккета
  - Альтернатива
  - «Замок», часть вторая
  - Предписание
  - Чистосердечное заявление
  - Встреча с Горбачевым

Антикоды
Встреча с Горбачевым
Вацлав Гавел

Вступление Сергея Скорвида

В январе 2008 года, отвечая корреспонденту чешского журнала «Тыден» на вопрос, какое определение он выбрал бы для короткой статьи о себе в каком-нибудь интернет-словаре лет через пятьдесят, Вацлав Гавел сказал: «Больше всего мне пришлось бы по душе, если бы там написали, что я — драматург, который проявлял себя как гражданин, благодаря чему в конце концов часть своей жизни провел, занимая высокий политический пост».

В России — собственно, еще в Советском Союзе — Гавел, наоборот, стал известен вначале как гражданин (в правозащитных кругах циркулировало программное заявление знаменитой «Хартии-77», к составлению которого он имел самое непосредственное отношение), а позже и как политик. Одной из первых его русскоязычных публикаций стали фрагменты книги «Заочный допрос», написанной в форме интервью с чешским журналистом К. Гвиждялой, которые — по свежим следам «бархатной революции» — вышли (в переводе И. Безруковой) в декабрьском номере «Литературной газеты» за 1989 год. То были фрагменты, касавшиеся в основном «пражской весны», грубо оборванной вторжением войск Варшавского договора в августе 1968-го, а также диссидентского движения в Чехословакии 70—80-х годов: разумеется, все эти процессы преподнесены сквозь призму личного восприятия автора, непосредственно вовлеченного в них. В публикации была и фотография Гавела, победно вскинувшего правую руку с разведенными буквой «V» пальцами на сцене легендарного пражского театра «Чиногерни клуб», где 19 ноября 1989 года возникло первое в Чехии послереволюционное политическое движение «Гражданский форум». Впрочем, с той же страницы «Литературной газеты» на читателя смотрел тогдашний первый секретарь Союза социалистической молодежи Чехословакии Васил Могорита, чей портрет еп face иллюстрировал его большую статью под заголовком «Верю в чехословацкий социализм!»

Оригинал «Заочного допроса», вышедший в тамиздате в 1986 году, прислал мне из Лондона мой польский приятель, а в начале 1990-го я ксерокопировал в Университете города Орхуса в датской Ютландии сборник пьес Гавела 1970–1976 годов, тоже тамиздатовский («Sixty-Eight Publishers», 1977); эти копии сразу же пошли в ход при подготовке первой на русском языке книги

избранных произведений Гавела под названием «Трудно сосредоточиться» («Художественная литература», 1990). В качестве предисловия в ней была помещена предвыборная листовка с постскриптумом: избран президентом Чехословакии 29 декабря 1989 года. Так, с миру по нитке, собирались для публикаций тех лет оригинальные гавеловские тексты, потому что в России их тогда, как казалось, не было, да и вообще мы, становившиеся богемистами в пору советского застоя и чехословацкой «нормализации», не знали и не могли знать ни драматурга, а затем диссидента Вацлава Гавела, ни романиста, а затем учредителя упомянутого эмигрантского издательства «Sixty-Eight Publishers» Йозефа Шкворецкого, которые теперь, в конце 2011 — начале 2012-го, оба, друг за другом, ушли из жизни.

На самом деле, конечно, и тексты Гавела, по крайней мере периода «пражской весны», в России были, и знать о них мы могли бы. Передо мной литературный сборник 1967 года «Подобы» (что можно перевести словом «Облики») с такими именами уже на суперобложке, как Гавел, Гейда, Грабал, Коларж, Лингартова, Восковец, Загрaдничек… На титульной странице сборника — штамп «Каб. Славянской филологии МГУ» с вписанным от руки инвентарным номером книги — 63, относящийся к тем временам, когда филология в Московском университете обреталась еще на Моховой. Но студентам-славистам, воспитуемым в 70-е, разумеется, не объясняли, кто такие все эти авторы разных поколений, каждый по-своему значимый для чешской литературы второй половины XX века. Хорошо хотя бы, что не выбросили, а просто перевезли их тексты на Ленинские горы, где потом обнаружилось и еще кое-что: присланная приблизительно тогда же и долгие годы никем не востребованная хрестоматия для студентов-иностранцев, изучающих чешский, с образцами литературных произведений, призванными познакомить их с языком настоящих мастеров слова. Обычное для университетов ротапринтное издание, в котором трудные слова были снабжены цифирками, отсылавшими к объяснениям в конце, а перед каждым текстом фигурировала короткая справка об авторе и его сочинении. Есть там и Вацлав Гавел, о котором сообщается:

> Заведующий литературной частью театра «На Забрадли», пишет экспериментальную, так наз. «конкретную», поэзию (сборник «Антикоды», 1964); автор двух сатир: «Праздник в саду» (сентябрь 1963) и

«Уведомление» (постановка — октябрь 1965).

За этим следует фрагмент первой пьесы, который предваряет такая характеристика:

> Объект этой оригинальной драмы абсурда — в прямом смысле слова мещанство как «могущественнейшая общественная сила» современности, ее строительным материалом служат абсолютизированные фразы, а по форме это сатирический гротеск. В нашем отрывке старый, но «бодрый» сотрудник абсурдной Распорядительской службы Пльзак приходит на праздник другого, столь же бессмысленного учреждения — Ликвидационного комитета, — и демонстрирует непревзойденный образчик своих способностей. Пьеса стала театральным событием года.

Полный чешский текст «Праздника в саду» и других ранних драматических произведений Гавела — кроме «Уведомления», и еще пьесы «Трудно сосредоточиться» (1968), которая дала название сборнику 90-го года, — удалось найти в официальных изданиях теперь уже полувековой давности, сохранившихся в фондах ВГБИЛ им. М. А. Рудомино. Поистине, когда ищешь (если знаешь что) — обрящешь (пусть и не вдруг).

Не знаю, как воспринимали студенты-иностранцы 60-х годов отрывок из пьесы Гавела, который им предлагался в хрестоматии, завезенной кем-то в Москву. Сам я в его текст влюбился, начиная с первого же действия «Праздника в саду», и вот уже двадцать лет цитирую эту пьесу целыми пассажами. Например, такими:

> **Плудек**. Такты выиграл или проиграл?
>
> **Гуго**. Тут выиграл, а тут проиграл.
>
> **Плудкова**. То есть если ты тут выигрываешь, то тут проигрываешь?
>
> **Гуго**. Да, и наоборот: если я тут проигрываю, то тут выигрываю.
>
> **Плудек**. Видала, Вожена? Вместо того чтобы выиграть — так выиграть, а проиграть — так проиграть, он лучше где-то чуток выиграет, а где-то малость проиграет…
>
> **Плудкова**. Такой игрок далеко пойдет!

Если и можно согласиться с тем, что главный объект сатиры в драме абсурда, с которой начинал Вацлав Гавел, — мещанство (хотя в таком определении из хрестоматии, приведенном выше, угадывается эзопов язык эпохи соцреализма), то следует добавить: во-первых, это те средние слои, для которых высшая карьера — выбиться в чиновники, в начальники, в функционеры, а во-вторых, их представители позиционируют себя как народ. То и другое «Праздник в саду» являет с самого начала, в том числе на языковом уровне. Речь всех персонажей пьесы представляет собой причудливый конгломерат забюрократизированных идеологических клише и псевдонародной фразеологии, замаскированной то под непринужденный разговорный стиль, то под фольклорное глубокомыслие. Уже один только «Праздник в саду» впору было бы растащить на пословицы, которых автор рассыпал в тексте великое множество. Кроил же он их по лекалу настоящего устного народного творчества, причем так мастерски, что составитель и редактор первого русскоязычного издания этой и еще восьми его пьес, И. М. Зимянина, рекомендовала, приступая к переводу, обратиться к сочинению Ф. Л. Челаковского «Мудрость славянских народов в пословицах» (1851)! В нем, конечно, можно было найти только образцы для конструирования русских соответствий таких авторских построений, как, например: *Кормил, кормил хомяка — ан дудка в камыше и сгинь!* (в оригинале — суслик…) либо *Словишь зайчика — твоим станет.* Пародирует Гавел и социалистический новояз со всеми его лозунгами и штампами, например: «Распорядительская служба сегодня выступает где-то как бы единым фронтом в авангарде борьбы за новый подход к человеку!»

Речи, статьи, интервью Гавела-президента написаны пером не просто яркого публициста, но и блестящего литератора: как подметил А. Ермонский, откликаясь на книгу «Гостиница в горах» в журнале «Иностранная литература» (2000, № 12), Гавел здесь «предстает перед слушателями и проповедником, и моралистом, и эссеистом». Вот начало упоминаемой рецензентом благодарственной речи, с которой Гавел выступил в 1990 году в Иерусалиме при присуждении ему звания почетного доктора Еврейского университета:

> …Мучась сознанием того, что я при своем незаконченном образовании не заслуживаю этого звания, я воспринимаю его как чудесный дар, который вновь и вновь приводит меня в смущение, и не могу отделаться

от мысли, что вот-вот появится некто посвященный, вырвет у меня из рук только что полученный диплом и, взяв за шиворот, выведет меня из зала со словами, что все это ошибка, помноженная на мою наглость.

Вы, конечно, поняли, к чему я клоню. Я хочу воспользоваться этим случаем, чтобы выразить в нескольких фразах свою давнюю искреннюю любовь к великому сыну еврейского народа, пражскому писателю Францу Кафке.

Проза Кафки, несомненно, близка была Гавелу прежде всего поэтикой абсурда. Она еще в 60-е годы была воспринята молодым чешским драматургом, работавшим в пражском театре «На Забрадли», когда там ставились культовые пьесы Беккета, Ионеско и других классиков этого жанра. Воспринята тем органичнее, что Гавел — выходец из буржуазной семьи, владевшей, в частности, прославленной пражской киностудией «Баррандов», — вырастал в атмосфере социалистического абсурда, который был неотъемлемой частью повседневной жизни общества. Именно поэтому, видимо, уже первые его пьесы имели такой шумный успех у чешских зрителей.

В наши дни почти все драматические произведения Гавела переведены на русский язык и изданы, в основном, в двух названных выше книгах. Две его пьесы были впервые напечатаны в журнале «Иностранная литература»: это «Протест» (1978) в переводе Т. Николаевой (1990, № 7) и «Уход» (2007) в переводе О. Луковой (2009, № 1), последняя из них вышла затем в сборнике «Вацлав Гавел и другие. Шесть чешских пьес» (СПб.: Балтийские сезоны, 2009). Трудно сказать, почему драматургия Гавела не получила в России масштабного сценического воплощения: может быть, как раз из-за ее центральноевропейской камерности? В 1990 году режиссер Борис Щедрин планировал поставить в театре Моссовета «Искушение» (1985) — пьесу на «фаустовскую» тему — с Леонидом Марковым и Георгием Тараторкиным в главных ролях; я делал тогда ее рабочий перевод для читки… дальше которой дело не пошло. С середины же 90-х с моноспектаклем по одноактным пьесам «Аудиенция» и «Вернисаж» (обе 1975 года) выступает на разных сценических площадках Александр Филиппенко — и это пока всё…

По-русски напечатаны также основные прозаические тексты В. Гавела. Кроме «Заочного допроса», полностью выпущенного совместно пражским издательством «Мелантрих» и московским «Новости» в 1990–1991 годах, и большой подборки выступлений

на общественно-политические и литературно-критические темы за период с 1975 по 1999 годы в книге «Гостиница в горах», многое публиковалось в периодических изданиях. В частности, среди первых — предисловие к памфлету Д. Татарки «Демон согласия» в журнале «Иностранная литература» (1990, № 4) и «Слово о слове» — речь, прочитанная в отсутствие автора в октябре 1989 года на книжной ярмарке во Франкфурте-на-Майне по случаю награждения Гавела премией немецких книготорговцев (журнал «Всемирное слово», 1991, № 1, перевод В. Каменской и О. Малевича).

И тем не менее даже в раннем — времен «пражской весны» — и в последующем, «диссидентском», творчестве Вацлава Гавела остаются некоторые не слишком хорошо известные российскому читателю грани. Одна из них — его экспериментальная, «конкретная» (термин Иржи Коларжа) или, как называл это сам автор, «типографическая» поэзия. Одиннадцать ее образцов из сборника 1964 года «Антикоды» были напечатаны в книге «Трудно сосредоточиться», но, во-первых, к ним есть что добавить, а во-вторых, мало кто у нас знает, что Гавел создавал антикоды и впоследствии, вплоть до начала 90-х годов. Ниже публикуется более репрезентативная, нежели в первом русском издании, подборка антикодов разных лет, позволяющая убедиться в том, что это была тоже поэзия абсурда, как и драмы Гавела, и в ней опять-таки звучат мотивы, идущие от Кафки и от Беккета, но в первую очередь отражается очень своеобразно преломленная эпоха.

В публицистике Гавела также очень часто всплывают кафковская и беккетовская темы. Приведу вслед за А. Ермонским еще один яркий пример: речь, произнесенную Гавелом в октябре 1992 года в Париже при избрании его в члены Академии гуманитарных и политических наук, в которой он размышлял о феномене ожидания:

> На одном полюсе обширного спектра всевозможных видов ожидания находится ожидание Годо, олицетворяющего универсальное спасение. Ожидание многих из нас, живших в коммунистическом мире, бывало часто или всегда весьма близким к этой крайней его форме. Окруженные со всех сторон, скованные и внутренне, так сказать, колонизированные тоталитарной системой, люди переставали видеть выход, утрачивали желание что-либо делать и ощущение того, что вообще что-либо можно делать. Попросту утрачивали надежду.

> Но они не утратили и не могли утратить потребность надеяться, ибо без надежды не бывает осмысленной жизни. Поэтому люди ждали Годо. Не имея надежды в самих себе, они связывали ее с приходом какого-то неясного спасения извне. Однако Годо — во всяком случае как предмет ожидания — не приходит, потому что его просто не существует…

Так говорил Гавел-президент. А ранее, в июле 1987 года, Гавел-диссидент сделал одну зарисовку, в которой развивается, по сути, та же мысль. Эта зарисовка публикуется ниже вслед за антикодами.

Вацлав Гавел — рабочий пивоваренного завода в г. Трутное, 1975 г.

Чешская «бархатная революция». Прага, 25 *ноября 1989 г. Через месяц с небольшим Вацлав Гавел станет президентом ЧССР*

Антикоды

жизньжизньжизнь
жизньжизньжизнь
жизньжизньжизнь
жизньжизньжизнь
жизньжизньжизньжизньжизньжизнь
жизньжизньжизньжизньжизньжизнь
жизньжизньжизньжизньжизньжизнь
жизньжизньжизнь
жизньжизньжизнь
жизньжизньжизнь
жизньжизньжизнь
жизньжизньжизнь
жизньжизньжизнь
жизньжизньжизнь
жизньжизньжизнь
жизньжизньжизнь
жизньжизньжизнь
жизньжизньжизнь

На тему Беккета

ЖЕНЩИНА
И
З
ПОХОРОНЫ
Ь

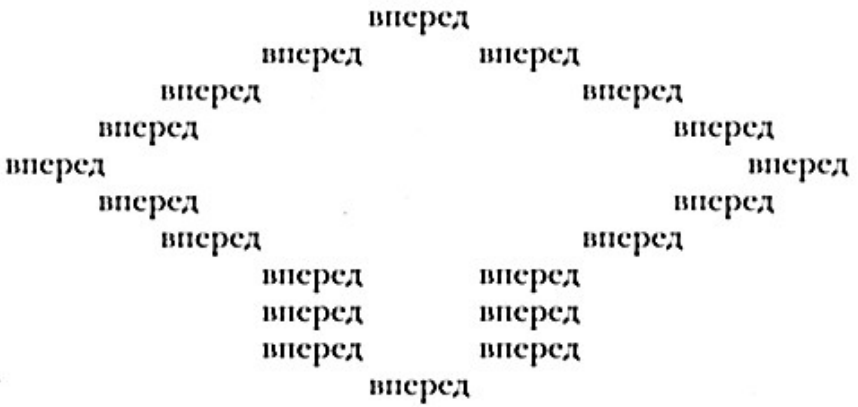
Альтернатива

/1/
Мы ведь ЛЮДИ!
/2/
МЫ ВЕДЬ люди!

«Замок», часть вторая

Уважаемый товарищ
учитывая вашу профессиональную квалификацию
и инициативное отношение к нашему хозяйству
настоящим назначаю вас
первым заместителем по животноводству
на землях нашего замка
ваш Кламм

А на следующий день землемер К
начал готовить коренную реорганизацию
животноводства на землях замка
сокращенно именуемую Акцией К



Лозунг

Э к о
н о м
ь Б у
м а г
у !

Предписание

Ввиду того что как выяснилось
обвинение
которое мы против вас выдвинули
основывалось на фальшивых документах

и приговор
который мы вам вынесли
противоречил действующему законодательству
настоятельно предлагаем
вам незамедлительно встать
в целях возвращения вам прав человека
в наши ряды

Чистосердечное заявление

Заявляем
что мы — со своим народом
и что наше место — **здесь**
(или на худой конец в Швейцарии
в случае если бы вдруг все же
не приведи господи
еще что-нибудь разразилось)

ЗАЯВЛЯЕМ!
ТРЕБУЕМ!
НАСТАИВАЕМ!
НЕ ОТСТУПИМ!
ПРИЗЫВАЕМ!
ОБЕЩАЕМ!
НЕ ПРЕДАДИМ!
ОТВЕРГАЕМ!
НЕ ДОПУСТИМ!
НЕ ПОЗВОЛИМ!
ОСУЖДАЕМ!
ВЫСТОИМ!
НЕ ПОДВЕДЕМ!
НЕ УСТУПИМ!
НЕ ПРИЕМЛЕМ!

Гм…

Встреча с Горбачевым

Визит царя-реформатора в губернию, где правят, благодаря вмешательству его предшественника, контрреформаторы, выглядел событием — во всяком случае на уровне ожидания — настолько пикантным, что в Прагу съехалось невиданное количество журналистов. Но если они прибыли вовремя, то царь-реформатор заставлял себя ждать. Поэтому корреспонденты убивали время по-разному — в частности, встречаясь с диссидентами. У меня их перебывали десятки; все спрашивали, что я думаю о новом царе, и мне было страшно неловко повторять без конца одни и те же слова, тем более что я не находил в них ничего оригинального; что бы я ни произносил, у меня тут же появлялось ощущение, будто я это уже где-то слышал или читал. Ничего удивительного: сегодня в мире нет человека, о котором говорили бы больше, так что не мудрено: все, что можно о нем сказать, уже кто-то когда-то сказал.

Наконец он приехал, и я вздохнул с облегчением: у журналистов теперь появилось более интересное развлечение, чем выслушивать от меня то, что они сами уже до того где-то написали.

Я живу неподалеку от пражского Национального театра, сейчас половина десятого вечера, ни одного журналиста рядом нет, и я выхожу прогуляться со своей собакой. И что же я вижу? Бесконечные вереницы припаркованных роскошных машин, бесчисленное множество полицейских, сверкающий Национальный театр! Я сразу понимаю ситуацию: Горбачев смотрит спектакль. Меня обуревает любопытство (я, видите ли, по натуре зевака), и я направляюсь к Национальному театру. Благодаря собаке, прокладывающей мне дорогу, я пробиваюсь в первый ряд. Стою, жду — спектакль должен вот-вот закончиться. Наблюдаю, слушаю людей вокруг. Это случайные прохожие, совсем не организованная публика, но и не люди, пришедшие сюда специально, чтобы увидеть Горбачева, это просто такие же зеваки, как я, которые шли из одного кабачка в другой, заметили какое-то оживление и из любопытства остановились. Они отпускают кучу саркастических замечаний, прежде всего по адресу длинных шеренг тайных агентов, которые никак на это не реагируют (наверное, им запретили провоцировать какие-либо конфликты, которые могли бы омрачить визит).

Наконец-то! Внезапное оживление в рядах полицейских, у машин вспыхивают фары, заводятся моторы, из театра выходят высокопоставленные лица. И, как ни в чем не бывало, идет он

сам! Рядом с ним Раиса, вокруг вьются агенты.

И тут меня ждет первый сюрприз: все эти циничные и ироничные остряки, которые еще совсем недавно беспощадно издевались над правителями и их охранниками, внезапно — как по взмаху волшебной палочки — превращаются в восторженную, неистово бурлящую толпу, они продираются вперед, чтобы суметь помахать главному властелину.

Разумеется, ни о какой «вечной дружбе с Советским Союзом» речи не шло. В этом было нечто куда более опасное: люди приветствуют человека, о котором думают, что он привез им свободу.

От этого я загрустил, и мне пришло в голову, что этот народ ничто не научит: ведь он уже столько раз обращал свои надежды к некоей внешней силе, ожидая, что она решит за него все его проблемы, столько раз горько разочаровывался и был вынужден признать, что никто не поможет ему, кроме него самого, — и вот опять та же ошибка! Та же иллюзия! Похоже, они и впрямь верят, что Горбачев приехал сюда освободить их от Гусака!

А царь-реформатор тем временем приближался к тому месту, где стоял я. Невысокий и коренастый, этакий симпатичный шарик (возможно, только казавшийся таким рядом со своими могучими охранниками), он выглядел слегка растерянным и беспомощным, улыбался — как мне показалось — искренне и махал нам как-то заговорщицки, причем практически каждому из нас в отдельности и каждому — персонально. И тут новый сюрприз: мне вдруг стало его жаль.

Я представил себе его жизнь: вокруг целый день малосимпатичные физиономии охранников, программа наверняка напряженнейшая, бесконечные встречи, речи и переговоры, необходимость беседовать с множеством людей, помнить их всех, отличать одного от другого, бесконечно произносить что-то остроумное и одновременно правильное, за что мир, ожидающий сенсаций, не мог бы ухватиться, чтобы использовать это каким-нибудь образом против него, необходимость все время улыбаться и посещать, вот как сегодня, всякие представления… а он вместо этого наверняка предпочел бы отдохнуть… да еще и выпить после такого трудного дня нельзя!

Но я быстро подавил свою жалость. Я сказал себе: он сам этого хотел. Он знал, что его ждет.

Значит, такой образ жизни ему по душе, иначе он не встал бы на этот путь. Я запретил себе сочувствовать ему и раздраженно прикрикнул на самого себя: не уподобляйся всем этим западным простакам, которые тают, как снеговик в печке, стоит какому-то

восточному владыке одарить их обворожительной улыбкой! Будь реалистом и веди себя сообразно тем реалистическим оценкам, которые ты тут целых три дня разворачивал перед иностранными журналистами!

Горбачев, человек, который так хвалил в Праге одно из худших правительств, какие имела эта страна на протяжении современной истории, шагает совсем рядом со мной, машет, дружески улыбается — и мне вдруг кажется, что машет он именно мне и улыбается тоже мне.

И третья неожиданность: внезапно я осознаю, что моя учтивость, которая велит мне ответить на приветствие, оказалась проворнее моих политологических размышлений — я растерянно поднимаю руку и машу в ответ.

Шарик вкатился в свой лимузин и умчался в нем со стокилометровой скоростью прочь. Толпа расходится, люди — вполне обыденно — тянутся в кабачки, куда они и держали путь, когда наткнулись на этот аттракцион.

Я с собакой иду домой, задумываясь о себе самом.

И тут настает время четвертой и последней неожиданности: я совершенно не корю себя за свое робкое помахивание рукой. У меня же действительно нет никакой причины не ответить на приветствие просвещенного царя!

Ведь это две разные вещи — ответить на его приветствие и откреститься от собственной ответственности, перекладывая этот груз на его плечи.

шюль 1987